
Травница: рецепт от беды
Автор: ВАД

Алина Ковалева

Травница: рецепт от беды

«Автор»
2026

Ковалева А.

Травница: рецепт от беды / А. Ковалева — «Автор», 2026

Меня зовут Алина Ковалёва и я фармацевт. Убитый в своей аптеке. Но очнувшийся в средневековом мире, где лекари пускают кровь и читают по звёздам. У меня нет ни грамоты, ни защиты, ни денег — только знания о лекарственных растениях, дозировках, порошках и мазях, полученных в колледже. Но лечить людей травами было бы слишком просто, да? Мне предстоит участие в тихой войне: поджоги, покойники, слухи и ещё очень много всего. Смогу ли я пройти весь этот путь? Есть ли надежда вернуться домой? Уютное фэнтези о травах, ступке и о том, что «если не я — то кто? ».

© Ковалева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дозировка 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Алина Ковалева
Травница: рецепт от беды

Глава 1. Дозировка

— Ковалёва. Стоп.

Я замерла с проклятым шпателем в руке, и в ту же секунду внутри что-то оборвалось — то самое, что обрывается, когда ты уже знаешь, что сейчас будет, но ещё надеешься, что пронесёт.

— Ты уже отсыпала.

Я посмотрела на весы, и стрелка стояла на цифре, которая была не просто неправильной — она была чужой, из другого расчёта, из другой жизни, где я не устала, не спешила и не думала о том, что дома опять будет неприятный разговор.

— Сколько? — спросила суровая Инна Павловна.

— Я… — я сглотнула, и в горле стало сухо, как в бумажном пакете. — Я не знаю.

— Двадцать пять миллиграммов — она сказала это ровно, без злобы, без сочувствия, как человек, который слишком давно работает с людьми и слишком хорошо знает, чем заканчиваются такие ошибки.

— В десять раз больше. Это уже не лекарство, Ковалёва. Это яд. И ты его приготовила красиво — по всем правилам, с чистыми руками, с точной навеской. Только навеска не та.

В лаборатории стало тихо. Так тихо, что я услышала, как у кого-то за спиной скрипнул стул и как Настя, моя единственная подруга на курсе, тихонько выдохнула.

— Я не специально, — сказала я, и это прозвучало жалко, как оправдание школьницы, как «я не хотела», как всё то, что никогда никого не спасало.

— Знаю, что не специально — Инна Павловна подошла ближе, и я увидела её глаза, не злые, не усталые даже, а пустые, как у человека, который видел слишком много таких, как я, и слишком хорошо помнит, чем это заканчивалось. — Именно поэтому ты и опасна. Если злодей ошибётся, злодея остановят, потому что от него ждут подвоха. А ошибётся уставший человек? Спешащий? От него подвоха не ждут, ему доверяют. Она взяла бюксу и высыпала порошок в лоток, и белая горка исчезла, как будто её и не было, и в этом было что-то до тошноты несправедливое: ошибка была, а доказательства нет.

— Вот эта доза попадёт в руки матери, у которой грудной ребёнок и рецепт, написанный торопливым почерком врача, у которого третья смена подряд и своя усталость. Она не проверит. Она не умеет проверять. Она верит. — Инна Павловна помолчала, и в этой паузе было больше, чем в любом крике. — Ты понимаешь, что такое «верит», Ковалёва?

Я кивнула, и горло сжало так, что дышать стало больно, потому что я действительно понимала — не умом, а чем-то другим, что сидело глубоко в груди и ныло, как старый сустав на погоду.

— Нет. Не понимаешь. — Она отступила на шаг. — Когда поймёшь — тогда и приходи. А пока сядь и пересчитай. С самого начала. И не вставай, пока не сделаешь правильно.

Я села.Руки тряслись так, что шпатель стучал о стекло, я смотрела на цифры в методичке и видела не их, а мать с ребёнком, уставшую, с растрёпанными волосами, с рецептом в руке. Как она протягивает этот рецепт через окошко. Как доверяет, потому что ей некому больше доверять. Как кто-то — я, Алина, — берёт и делает свою работу, обычную, на автомате, а автомат даёт сбой, и никто этого не замечает, пока не становится поздно. Я пересчитала. С третьего раза, потому что первые два руки не слушались, а голова была занята не цифрами, а

мыслями о том, что я, кажется, только что чуть не убила человека и даже не заметила. Инна Павловна проверила, кивнула и ушла, не сказав ни слова — ни «молодец», ни «больше не ошибайся», и от этого молчания было хуже, чем от любого крика.

Я просидела в лаборатории до закрытия. Просчитала множество рецептов из методички, довела эту тему до автоматизма. Чтобы даже уставшей не совершить непоправимого.

Когда вышла на улицу, было уже темно, парк стоял пустой и мокрый, фонари горели через один, и в лужах лежала такая чернота, что казалось — туда можно провалиться и не найти дна. Дома пахло жареной картошкой и пригоревшим маслом, и по этому запаху я сразу поняла: мать ждала. Она всегда ждала. Когда злилась, садилась у плиты и жарила что-нибудь, чтобы руки были заняты, а язык нет.

— Пришла?

— Пришла.

— Двенадцатый час! — она обернулась, и в её глазах было не зло, а что-то другое, тяжёлое, как у человека, который боится за тебя и от этого его страх сильнее.

— Опять лаборатория? Опять твои занятия?

— Мам, не начинай.

— А я и не начинаю. — Она выключила плиту и вытерла руки о полотенце, и это движение было таким привычным, таким домашним, что мне вдруг захотелось просто обнять её и сказать, что всё будет хорошо. Только я знала, что она не поверит.

— Я просто спрашиваю: сколько это будет продолжаться? Ты понимаешь, что ты выбрала? Колледж. Прилавок. Таблетки. Продавщица в халате. На это и учиться не надо, попросили-продала.

— Это ведь не торговля. И не просто прилавок.

— А что это? — Она шагнула вперёд. — Скажи мне. Что это такое, за что тебе платят копейки и за что тебя никто никогда не поблагодарит? Твоя двоюродная Таня в банке сидит — зарплата, перспективы, муж нормальный, и мать её не ждёт до полуночи с пригоревшей картошкой. А ты? Ночами на работе, днями на учёбе, домой к полуночи и то через раз. Какой в этом смысл?

— У меня есть профессия. Я помогаю людям.

— Не есть, а будет. Когда получишь диплом продавщицы. И работа, за которую платят копейки. — Она усмехнулась, и это было хуже крика, потому что в усмешке была не злость, а усталость и мне становилось совсем тошно. — Знаешь, что самое обидное? Ты ведь способная. Ты могла бы. Ты просто не хочешь. И других не слушаешь.

Я ушла в комнату, закрыла дверь и постояла так, прислонившись спиной, пока не прошло желание что-нибудь сломать — не потому, что я злилась на неё, а потому, что частично она была права, и от этого было ещё хуже. Днём учиться, ночью работать действительно тяжело. Пока нет диплома не могу работать фармацевтом, только ночным дежурантом. В целом, обязанности те же, но оплата в разы меньше. Но хотя бы опыта наберусь, успокаивала я себя. Потом села на кровать.На столе лежала бабушкина карточка — восемь наименований, дозировки, время приёма, столбиком, каллиграфическим почерком. Я переписываю её каждые полгода, потому что бабушка путает упаковки, и никто, кроме меня, этого не делает. Восемь наименований. Каждые полгода. Уже три года. Я смотрела на эту карточку и чувствовала, как внутри поднимается что-то, чему я не знала названия. Не обида. Не страх. Ощущение, что я стою на своём месте, и место это маленькое, тесное и никому не нужное, и что я умею то, что может спасать, и это умение никому не нужно. Легла, не раздеваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.